

A person wearing a dark, hooded raincoat and carrying a backpack is sitting on a mossy bank, looking down. The background is a misty, foggy forest with tall, thin trees. The overall mood is somber and reflective.

Дмитрий Малков

Дорога Жизни

Дмитрий Малков

Дорога Жизни

«Автор»

2026

Малков Д. Д.

Дорога Жизни / Д. Д. Малков — «Автор», 2026

В этом мире тепло — редкость, а доверие — риск. Здесь не спасают города, здесь выживают по правилам, которые каждый придумывает сам. Дима привык рассчитывать только на себя: сушить грибы, отливать грузила, прятать каждую ценную вещь и не задерживаться на улице после темноты. Он знает, как не умереть от холода, но не знает, как не потерять себя.

© Малков Д. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Малков

Дорога Жизни

Глава 1

Утро было таким же мерзким, противным и унылым, как и все остальные. Дима проснулся в тёплой избушке, но холод и сырость уже будто пробрались под одеяло — он чувствовал их кожей, ещё не вставая.

Будильник прозвенел чуть позже обычного. Дима всегда просыпался на десять минут раньше него. Он подскочил, взглянул на механические «Командирские» часы, доставшиеся от отца. На циферблате было 8:30. Быстро собравшись, он взял рюкзак и направился в гостиную.

Открыв дверь, Дима попал в небольшое помещение. У печки сидели двое: один спал, другой следил за огнём. Неподалёку стоял стол, за которым расположились двое мужчин. Один из них — владелец избы, в народе известный как Кровщик. Дима знал его: он частенько заходил сюда переночевать по старой дружбе, и с него брали меньше, чем с остальных.

Мужчину звали Миша, но он просил называть его Вороном — прозвище, которое он получил на специальной войне. Он был гладко выбрит, лыс, одет в зимние берцы с мехом, потрёпанные штаны, старый тулуп, из-под которого выглядывал тонкий свитерок. Вид у него был суровый.

Рядом сидел незнакомый Диме мужчина — он видел его впервые.

Дима подошёл к Ворону и тихо спросил:— Сколько ещё осталось?

Ворон нехотя оторвал взгляд от разговора, будто Дима прервал что-то важное. Он посмотрел на свои старенькие электронные часы Casio, потом снова сурово уставился на Диму. — Час, — коротко бросил он.

Дима кивнул и, не желая дальше отвлекать, вернулся в общую комнату.

Это помещение было чуть больше. В углу стояла самодельная буржуйка, непонятно из чего сваренная. По всей комнате теснились десять-двенадцать раскладушек — и все были заняты. На них отдыхали такие же, как он, люди, вернувшиеся с маршрутов или дожидавшиеся рассвета.

Дима отыскал свою койку, снял рюкзак и уселся. Открыв его, он ещё раз перепроверил содержимое.

«Так... моток строительной верёвки — сто метров, два пакета соли по килограмму, моток толстой лески — около шестидесяти-семидесяти метров, пятнадцать крючков разного размера, кусок свинца — два-три килограмма, брезент», — мысленно перечислил он.

— Вроде всё, — прошептал Дима и закрыл основной отдел. Потом открыл маленький карман и достал полупустую флягу и пакет с сушёными грибами. Высыпав горстку мелко нарезанных грибов, он положил их в рот и принялся долго жевать. Минуты через две-три сделал один большой глоток из фляги.

«Эх, попить бы чаю», — уныло подумал он.

Но за все услуги тут требовали плату. А если не хочешь — не пользуйся. Еды и воды и так едва хватало. Остаться на улице на ночь означало либо болезнь, либо смерть. А болезни сейчас почти не лечили — нечем. Так что это было почти одно и то же.

За ночлег в хостеле тоже приходилось платить.

«Ладно, надеюсь, сегодня доберусь до дома», — подумал Дима.

Он огляделся. Все ещё спали — они пришли либо ночью, либо с приходом темноты. Дима всегда старался находить укрытие до сумерек. Закрыв рюкзак, он улёгся на подушку и, размышляя о предстоящем походе, уснул.

Его разбудил резкий рывок: Ворон схватил его за воротник и начал трясти.— Быстрее выметайся отсюда! Или ты хочешь проблем?! И так уже лишние десять минут проторчал!

— Да я... ты... что ж... — с просонья пытался что-то ответить Дима. Он в спешке собирал вещи, накидывал рюкзак и, толком не соображая, вылетел на улицу.

Снова эта мерзкая, холодная и мокрая улица.

Путь домой он знал наизусть. До катастрофы он ездил сюда на машине, а когда она ломалась — шёл пешком: час-полтора по нормальной дороге. Теперь маршрут изменился — приходилось идти через мокрый лес, чтобы по пути найти что-нибудь полезное. Да и видимость стала в разы хуже: из-за влажности и частых туманов видно было всего метров на пятьдесят вперёд. Поэтому люди ставили вдоль тропы свои ориентиры: кто складывал камни, кто вешал флажки на деревья, а у кого хватало фантазии — делал что-то своё.

У Димы ориентирами служили палки, вставленные в землю и обмотанные изолентой. Нужно было выйти из леса и немного пройти до мыса у Ладоги.

Лес был влажным и сырым. Травы почти не было. Вечнозелёные кусты черники и брусники с редкими, мелкими ягодками изредка попадались на пути. Мох занял всё свободное место — пышные, длинные ковры уходили вперёд на пару сотен метров. Деревьев осталось немного: в таком суровом климате держались в основном ель, сосна, берёза и осина. На некоторых стволах росли грибы или плесень, а на берёзах можно было найти чагу. Из неё делали чай — товар не самый ценный, но для любого туриста чага означала уют, тепло и горячий напиток.

Грибов в лесу хватало — если знать места. Опят, сыроежек, моховиков и подберёзовиков было много, только надо было уметь их находить.

Стараясь реже ступать по мокрому мху, Дима шёл средним темпом. Все давно знали: если долго ходить по влажному мху, обувь быстро промокнет и придёт в негодность. Да и легко подхватить какую-нибудь болячку на ноги. А с такими болячками ходить по врачам было почти бесполезно — лекарств у них почти не оставалось.

Пройдя приличное расстояние и немного запыхавшись, Дима решил сделать привал. Он огляделся, нашёл подходящее дерево, расстелил на земле брезент и уселся. Достал сушёные грибы и фляжку.

Небо было непонятного мрачного цвета. Вокруг — туман, сырость и холод, пробирающий до костей. Тепло закончилось везде: на улицах, в городах и даже в людях. Погода не радовала, но зато радовала тишина.

И эту тонкую, хрупкую тишину вдруг пронзил резкий грохот, а через пару секунд всё снова стихло, будто тишина его проглотила.

Звук был достаточно далёким, чтобы не отвлекаться от трапезы. Это могло быть что угодно: прогнившее дерево, рухнувшее под тяжестью влаги, или человек — охотник либо грабитель. Сейчас это не имело значения: звук раздался далеко, и повода для тревоги не было.

Допив воду, Дима сложил брезент, убрал вещи в рюкзак и снова двинулся вперёд. Взглянул на часы: 16:28. Нужно было прибавить темп — скоро начнутся сумерки, а затем стемнеет. С приходом ночи становилось холоднее, трава и вода покрывались лёгким инеем. Видимость падала почти до нуля. Любая такая ночь — большой риск.

Дима старался не идти прямо по мху, выбирал участки посуше, осторожно вышагивая, чтобы не промочить берцы.

Вдруг он краем глаза заметил нарост на берёзе. Подойдя ближе, понял, что это чага. На лице появилась лёгкая улыбка. Он достал из кобуры нож, висевший на ремне брюк, и срезал гриб.

— Большой зараза! Надеюсь, хватит надолго! — тихо произнёс он, убирая находку в рюкзак.

Продолжая путь, он миновал два последних ориентира. Метрах в тридцати впереди виднелся дымок — ровной линией он уходил вверх. Из-за нынешнего климата дым всегда стремился только вверх.

Это была его деревня — точнее, поселение, выросшее на месте бывшей туристической базы. Здесь жило человек пятьдесят.

У Димы был свой маленький домик — одна комнатка без кухни и туалета. Отопить большее помещение он не мог себе позволить: пришлось бы целыми днями искать дрова. В целом никто не жаловался — даже такой свой угол считался удачей. Те, кто был ниже по статусу или не хотел работать, жили в палатках. Если среди них находились умельцы, они мастерили буржуйки и хоть как-то отапливали жильё. Если нет — увы, многие просто не выживали.

Сейчас был август. Погода оставалась плохой, но всё же лучше, чем зимой. Зима — это отдельная история. При такой влажности даже небольшой мороз ощущался, будто ты на Чукотке. Можно было сказать, что все, независимо от статуса и силы, семь месяцев из двенадцати готовились к зиме: делали заготовки, сушили, солили, коптили — делали всё, чтобы пережить это суровое время года.

Дима открыл дверь своего домика и впустил внутрь сырой и холодный воздух. Он бросил взгляд в дальний угол: в заводской буржуйке, которая была редкостью в этих местах, догорал уголёк, рядом лежала кучка дров.

— Молодец, Лёха! Как всегда выручает. Что бы я без тебя делал, — тихо произнёс Дима.

Алексей был его давним другом и товарищем. Взаимопомощь и взаимовыгода здесь были главными факторами выживания. Конечно, встречались и одиночки, но о них почти ничего не было слышно — никто не знал, живы ли они вообще.

Лёша жил с семьёй в палатке. Он считался «народным умельцем» — мог смастерить почти что угодно. Иногда ему позволяли пожить в домике, и он охотно соглашался. Дима не мог взять его к себе насовсем: правила не позволяли селить у себя людей «неподходящего» статуса. Да и в его маленькой комнатухе всё равно бы никто не поместился. Понимая это, друзья даже не заговаривали о совместном жильё.

Дима снял дождевик, ветровку и свитер. В такую погоду это сочетание ненадолго делало его неуязвимым перед сыростью, но со временем всё намокало, и мокрый свитер почти переставал греть.

Осмотревшись, он убедился, что в доме всё осталось как до его ухода. Рядом с печкой стоял стол, на нём — котелок, тарелка и кружка. Слева от печи были натянуты две вертикальные палки, между ними — леска, на которой сушились грибы. В соседнем углу, где было чуть прохладнее, стоял самодельный стеллаж с банками — стеклянными и жестяными. В них засаливали рыбу. Запах стоял не самый приятный, но за годы жизни в таких условиях он почти перестал ощущаться.

Посреди комнаты стояла аккуратно заправленная раскладушка. Окно всегда было зашторено и дополнительно заделано мхом — в окне не было никакой радости: ни света, ни тепла.

Дима вынул из рюкзака все вещи и начал раскладывать их по полкам. Налил воду из канистры в котелок и поставил кипятиться. Потом достал чагу, взял нож и покрошил гриб в котелок. Остальное нарезал и разложил на самодельной сушилке.

Вода начала закипать, от котелка доносилось приятное бульканье. Постепенно вода приобрела тёмно-коричневый оттенок — значит, гриб заварился, и чай можно было пить.

Надев варежку, Дима осторожно налил напиток в кружку, поставил котелок на стол и принялся пить. Чай оказался мягким, древесным, с приятной травянистой ноткой. Он старался смаковать каждый глоток, но напиток быстро закончился.

Дима чувствовал себя полностью вымотанным и промёрзшим до костей. Есть не хотелось — хотелось согреться и поспать. Он подкинул дров в буржуйку, лёг на раскладушку и, не став заводить будильник, сразу провалился в сон.

Глава 2

Разбудил его резкий и громкий стук в дверь. Вставать не хотелось: одна мысль о погоде на улице заставляла снова чувствовать холод. Но стук не прекращался и становился всё настойчивее. В конце концов Дима, не одеваясь, подбежал к двери.

— Кто? — хриплым голосом спросил он.

— Да я это, я! Открывай! — раздался знакомый голос.

Не до конца понимая, кто стоит за дверью, Дима всё же приоткрыл её. В дом ворвались влага и прохлада. На пороге стоял Игорь — пухлый, невысокий, всегда довольный и розовощёкий. Одет он был как типичный рыбак: штормовка, свитер, штаны и дождевик поверх всего.

Иногда они рыбачили вместе. Игорь зарабатывал на жизнь рыбалкой, а в редких случаях, когда нужны были снасти или ещё что-нибудь, брал Диму с собой, чтобы расплатиться с ним товаром.

— Доброе утро! Ты как по расписанию — я уж уходить хотел, — бодро сказал Игорь.

— Привет... Только вчера ближе к вечеру вернулся. Ты меня разбудил, а я хотел бы ещё отдохнуть, — пробурчал Дима.

— Ну, про это забудь. Хочешь жить — умеешь вертеться. А вертеться нам как раз нужно. Так что давай собирайся: сегодня будем рыбачить с вечера до утра. Ты снасти принёс? Ничего не забыл?

— Леску и крючки хоть сейчас забирай. Грузила нужно будет подождать. Давай вечером перед рыбалкой всё передам?

— Ладно, договорились. Не буду отвлекать. У самого дела по горло. Не прощаемся — зайду ближе к пяти, будь готов, пожалуйста.

Последние слова Игорь уже выкрикивал на ходу — он быстро удалялся по своим делам.

Дима закрыл дверь, быстро оделся и, промёрзнув до костей, снова подбежал к буржуйке. Подкинул дров, поставил котелок с чаем греться. Потом достал другой, закопчённый стальной котелок — в нём лежали формочки для грузил.

При нынешней погоде рыбу ловили в основном на доску или сети. Сети были огромной редкостью: плести их почти никто не умел. Большинство людей здесь были бывшими горожанами — они привыкли потреблять, а не производить.

Пока чай закипал, Дима достал кусок алюминия, принесённый из похода, и начал крошить его на куски размером примерно с грецкий орех. Заготовки он бросал в стальной котелок. Закончив, подкинул дров и поставил котелок греться.

Гипсовые формы для грузил стояли у печки. Он заранее просушил их на подоконнике, а потом слегка прогрел у дверцы печи: лить в холодную форму нельзя — металл схватится раньше времени, и грузило выйдет с пустотами.

В котелке на тёмном металле, словно впитывающем тепло, по краям начали появляться первые блестящие лужицы. Дима помешивал ложкой, не торопясь. Постепенно куски исчезали, сливаясь в тягучую, маслянистую массу. Сверху всплыла тёмная пена — он аккуратно снял её шумовкой и стряхнул в жестяную банку.

Когда свинец стал жидким и пошёл медленными волнами, Дима чуть наклонил котелок, вращая его, чтобы выгнать пузырьки воздуха. Взял прогретую форму — от неё тянуло сухим жаром. Тонкой, ровной струёй залил расплав в канал. Металл вошёл с коротким шипением, будто выдохнул, и сразу начал темнеть по краям.

Он отставил форму на кусок фанеры остывать. Минуты шли спокойно. Дима собирался на рыбалку. Когда металл окончательно затвердел, он аккуратно раскрыл половинки формы. Грузила вышли ровными, тяжёлыми, с чёткими гранями. Остался лишь тонкий облой на стыке

— его Дима быстро снял напильником, пару раз проведя по краю, чтобы грузило не царапало леску.

На всё про всё ушёл примерно час. За это время вещи уже были собраны, снасти готовы. Игорь обычно предоставлял свои удочки и донки — он рыбачил почти каждый день и стал настоящим мастером: знал дно, какие снасти и наживки нужны, умел правильно связать донку или сделать удочку. Это давало ему преимущество. Помимо рыбы, он торговал снастями, удочками, а ещё — информацией о рельефе дна и всех рыбацких хитростях.

До катастрофы рыбалка для Димы была лишь хобби, и чаще всего он возвращался домой без улова. Но когда на кону стояла еда или смерть, пришлось искать опытных людей и учиться у них. Ему повезло: настоящий гуру жил неподалёку, и они быстро нашли общий язык, став партнёрами. Дела они вместе не вели, плотно не общались, но рыбачили и помогали друг другу — с такими знакомыми не пропадёшь. Раньше Дима выбрал бы сто рублей, но в нынешних реалиях лучше и практичнее иметь пять-десять верных и преданных друзей.

Время будто замедлилось. Всё было готово, оставалось только дожидаться назначенного времени. В раздумьях и предвкушении рыбалки Дима задремал прямо за столом.

Резкий стук в дверь заставил его вздрогнуть и резко подняться. Сделав шаг, он тут же присел на корточки — ноги словно парализовало. Такое случалось, если засыпать в неудобной позе и резко проснуться. Немного подождав, Дима поднялся, кинул вещи в рюкзак, потеплее оделся и открыл дверь. Он знал, что это Игорь.

— Что так долго? Я весь кулак отбил! Договорились же в пять! Ты хоть приготовился или целый день спал? — раздражённо бросил Игорь.

Дима молча качнул головой, не желая оправдываться спросонья.

Они пошли в сторону Ладоги, где стояла лодка Игоря. На улице темнело, становилось холоднее. Дима не любил темноту — на то у него были свои причины. По дороге он почувствовал, что в берцах снова прохладно: значит, он просушил их не до конца. Лёгкий морозец окутал оставшуюся влагу, и ноги начали понемногу замерзать. Это был плохой знак — проблемы начались ещё до рыбалки.

Подойдя к берегу, Дима увидел лодку «Пэлла» — крепкую, немного потрёпанную временем, но надёжную. Дерево потемнело от воды, кое-где виднелись потёртости краски и царапины от причаливаний к корягам и каменистым берегам. Над сиденьями был натянут плотный тент из грубой ткани, местами залатанный, чтобы укрывать от ветра и сырости. Под тентом как раз хватало места для двоих: один сидел на корме и грёб, второй — чуть впереди, прижимаясь к стенке, чтобы не мешать, но быть рядом.

А в центре, прямо на жаропрочном листе, стояла компактная мини-буржуйка на дровах. Она не была слишком большой, чтобы не перевешивать лодку, но давала хоть немного тепла. Из трубы над тентом поднимался лёгкий дымок.

Дрова лежали в небольшом ящике у борта — сухие, наколотые на аккуратные чурки, и Дима невольно отметил про себя: Игорь всегда всё держит в порядке. Это в их мире дорогого стоило.

— Ну, чего стоишь? Залезай, пока туман совсем не сгустился, — буркнул Игорь, уже возившийся с вёслами.

Дима шагнул на борт, лодка чуть качнулась, и по дну прокатился тихий металлический звон — где-то под настилом лежали грузила, крючки, мотки лески. Он уселся на кормовую лавку, плотнее закутался в штормовку и натянул перчатки. Пальцы уже начинали ныть от сырости.

Игорь сел напротив, взялся за вёсла, и лодка медленно отошла от берега. Туман стелился над водой, будто густая молочная пелена, и уже через несколько гребков берег растворился, оставив только серое ничто вокруг. Ладога дышала холодом, вода была тёмной, почти чёрной, и казалась тяжелее обычного.

— Сегодня на доску будем ставить, — негромко сказал Игорь, не глядя на Диму. — На глубине сети ставить — только зря добро переводить. Да и кто их теперь плести умеет? А доску хоть сам из доски сколотил, да грузила накидал — и работает.

Дима кивнул. Он помнил, как в первый раз Игорь показывал ему эту снасть: простая деревянная планка, к ней привязаны поводки с крючками, а снизу — тяжёлые грузила. Всё грубое, но надёжное. В этом и была главная хитрость Игоря: ничего лишнего, только то, что выживает в сырости и холоде.

Лодка шла медленно, Игорь греб размеренно, будто прислушиваясь к воде. Дима смотрел вперёд, в туман, и пытался выцепить хоть какой-то ориентир — камень, корягу, изгиб берега, — но ничего не было. Только изредка из воды с коротким всплеском выпрыгивала мелкая рыба, будто торопилась скрыться в глубине.

Вдруг Игорь резко опустил вёсла и замер.

— Тише... — прошептал он, наклоняясь вперёд. — Слышишь?

Дима напряг слух. Сквозь влажный воздух пробивался далёкий, но отчётливый звук — не плеск воды и не крик птицы. Это был человеческий голос. Или даже несколько. И они не пели и не звали — они спорили.

— Рыбаки? — тихо спросил Дима, уже зная ответ.

Игорь покачал головой, лицо его стало жёстким.

— Не наши. Чужие. На нашем участке чужих не бывает.

Он потянулся к борту, где под брезентом лежал короткий обрезок трубы — не оружие, но в тесноте лодки самое то. Дима машинально проверил, легко ли выходит нож из ножен.

Туман впереди чуть рассеялся, и сквозь серую дымку проступили очертания другой лодки — побольше, с двумя фигурами в тёмных куртках. Они стояли, о чём-то громко спорили, и один из них вдруг резко махнул рукой в сторону, будто указывая прямо на них.

— Гребите, — резко бросил Игорь, снова хватаясь за вёсла. — Только тихо.

Лодка рванулась вперёд, но вёсла глухо шлёпали по воде, и каждый удар казался Диме криком в тишине. Он смотрел на чужие фигуры, те двигались, что-то кричали друг другу, и один из них поднял руку — не то приветствуя, не то приказывая остановиться.

— Не смотри на них, — прошепел Игорь. — Держи курс вон туда, где рыба на воде. Там течение, оно нас утянет в сторону.

Дима вцепился взглядом в едва заметную рябь, будто это был единственный якорь в этом сером, враждебном мире. Лодка скользила, туман снова окутывал их, и на мгновение показалось, что опасность осталась позади.

Но тут раздался резкий свист — и рядом с бортом из воды взметнулся фонтан брызг.

— Они стреляют! — выкрикнул Игорь, вжимая голову в плечи.

Дима почувствовал, как внутри всё сжалось, но руки сами собой вцепились в лавку, а взгляд снова нашёл рябь.

— Держи направление! — рявкнул Игорь, налегая на вёсла так, что дерево скрипнуло.

Ещё один свист, ещё один всплеск — теперь чуть дальше. Дима понял: они не целятся точно, просто бьют наугад, чтобы напугать, заставить остановиться. Или чтобы выгнать на открытое место.

Туман стал гуще, будто сам Ладожский холод решил их спрятать. Лодка нырнула в плотную пелену, и чужие голоса, крики и всплески остались где-то позади, растворяясь в сером воздухе.

Когда Игорь наконец перестал грести, лодка тихо закачалась на волнах. Вокруг была тишина, только вода тихонько лизала борта, да где-то далеко кричала чайка.

— Пронесло, — выдохнул Игорь, вытирая рукавом мокрое от тумана лицо. — Но место нам сегодня придётся сменить. Эти не уйдут, пока не обшарят весь участок.

Дима молча кивнул. Его трясло, но не от холода — от того, как близко прошла опасность. Он посмотрел на свои руки: пальцы побелели от напряжения, крепко вцепившись в край лавки.

— Ты как? — спросил Игорь, уже спокойнее.

— Нормально, — пробормотал Дима, хотя язык едва слушался. — Просто... не думал, что сегодня будет не только рыба.

Игорь хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки.

— В этом мире рыба — это ещё самое спокойное, что может быть. Ладно, давай сейчас тихо отойдём метров на двести вдоль берега, там есть заливчик, где дно хорошее. Там и поставим доску. Главное — без шума.

Он снова взялся за вёсла, на этот раз медленно и осторожно, будто лодка стала стеклянной и могла разбиться от резкого движения. Дима достал из рюкзака моток лески и начал проверять крючки — руками он заставлял себя успокоиться, возвращая мысли к привычному, простому делу.

Вода вокруг была тёмной и спокойной, но Дима знал: под этой тишиной прячется столько опасностей, что одной рыбалки хватит лишь на половину дня. Остальное время придётся выживать. Было уже темно. Тёплый свет маленькой буржуйки согревал душу, но тело оставалось сырым и холодным.

После двух часов ожидания в ведре у Игоря лежало два приличных окуня — граммов по двести каждый. Дима устал ждать. Потеряв и мотивацию, и настроение, он решил сесть как можно ближе к печке и перекусить. Достал сушёные грибы и флягу, принялся жевать.

Вглядываясь в воду и вдаль — насколько это было возможно, — он вдруг заметил, что колокольчики на его донке слегка подёргиваются и плавными, медленными рывками приспускаются всё ниже и ниже. Бросив еду куда попало, Дима схватил леску и начал тянуть. Почувствовав рывок, он ощутил, как леска вдруг ослабла. Разозлившись, он не выпускал её из рук и напряжённо вглядывался в тёмную воду.

Внезапно леска снова натянулась. Почувствовав сопротивление рыбы, он начал аккуратно, как его учили, вываживать добычу. Из воды показалось крупное тёмное пятно. Тянувшись за непонятной рыбиной, Дима чуть не выпал из лодки. Наконец улов оказался в лодке. Приглядевшись, он гордо и уверенно произнёс:

— Налим. Кило двести, на глаз.

— Ну ты молодец. Новичкам всегда везёт — не зря так говорят. Отличный улов! Ладно, не отвлекай, мне тоже нужно что-нибудь поймать.

Не желая мешать товарищу, Дима аккуратно, всё с той же гордостью, положил налима в ведро. Поймать рыбу здесь не считалось редкостью или чем-то необычным. С рыбой проблем особо не было. Вот только поймать её мог не каждый. Да и пиратов тут хватало. Это место считалось безопасным, проверенным. А вот если рыбачить где попало — запросто ограбят, и обратно придётся плыть вплавь, молясь, чтобы выжить.

Время было около часа — стояла глубокая ночь. Вдруг резкая и настойчивая поклёвка прозвенела на донке у Игоря. Через пару лёгких движений рыба оказалась у него в руках. Он поднёс её к свету печки, чтобы разглядеть.

— Вот теперь и поговорить можно! И мне сегодня повезло. Лещ! Кило, плюс-минус. Не хуже твоего, считай.

До самого утра они вытянули ещё около шести подлещиков — граммов по 200–300 каждый. Сложив снасти, напарники направились к берегу. Причалив, Игорь вышел в воду, подтащил лодку и закрепил её. Отвязав верёвку, он забрал дрова, которые удалось сэкономить, и пошёл в сторону своего сарая.

Дима собрал вещи, на всякий случай проверил, ничего ли не забыл, и вышел из лодки. Он промёрз до костей и уже почти не чувствовал пальцев на руках и ногах. Стоя на берегу, он ждал напарника. Откуда-то из тумана донёсся голос Игоря:

— Бери всё! Мне подлещика и окуней оставь. Считай, мы в расчёте!
Забрав улов, Дима направился в сторону палаточного поселения.

Глава 3

Это поселение можно было назвать гетто — одновременно и спальным, и промышленным районом. Место было опасно для тех, кто случайно сюда забрёл. Но при этом оно служило главной торговой точкой — своего рода барахолкой. Местные умельцы и просто люди делали всё, чтобы выжить: производили, продавали, воровали, обманывали — в общем, не брезговали никаким заработком. Именно тут можно было приобрести самодельное или отечественное оружие, патроны, какие-то медикаменты и многое другое. Дима никогда не понимал, откуда у таких людей берутся хорошие, а порой и редкие вещи.

Жили в этих местах в основном бедные, больные, беженцы из других поселений, инвалиды, изгнанники — словом, те, кого нынешняя власть, Совет старшин, считала «прочей нечистью».

Тут жил Лёша. Дима ускорил шаг, прошёл мимо базара и попрошаек и через несколько минут оказался у палатки товарища. Открыв молнию на тряпочной дверце, он не спеша вошёл. Внутри было тихо и пусто. Беглым взглядом он осмотрел помещение: в углу стояла самодельная печка, рядом — четыре самодельных деревянных подставки для спальников (так делали, чтобы не спать на земле). Ещё в палатке были стол и стулья. Дома никого не было.

Из-за долгой дружбы Дима мог позволить себе чувствовать себя как дома даже в отсутствие хозяина. Разувшись и достав из рюкзака подшепчиков, он подошёл к столу и уселся. Было тепло и уютно: от печки шло лёгкое, приятное тепло. Но спина всё равно оставалась холодной. Не зная, сколько придётся ждать друга, он мечтал только об одном — поспать после промозглой ночной рыбалки. Он улёгся прямо за столом и, размышляя о чём-то важном, задремал.

Открыв глаза, он сначала даже не понял, где находится. Не спеша поднял голову. Лицо и руки затекли. Перед ним был Лёха: он помогал жене у печи что-то готовить. В спальнике уже лежала одна из детей — Алина, ей было восемь лет, и она постоянно болела. Недостаток витаминов в нынешнем климате быстро сказывался на растущем организме. Почти всегда девочка лежала; иногда она выходила на улицу с родителями, но быстро теряла силы. Ещё у Лёши был сын Миша, но его Дима пока не замечал.

Лёша обернулся:

— Проснулся наконец. Ну ты и даёшь — столько спать! Ты бы хоть в спальник лёг. Будешь есть? Ты с похода задержался?

— Здорово, Лёха. Нет, с похода я вернулся ещё вчера, а сегодня ночью рыбачил с Игорем. Вот, держи рыбу. Рыбалка выдалась отличной: тут налим, а ещё вот этих наловили.

— Это ты хорошо сходил. Главное, что пришёл живой. На тебе, смотрю, лица вообще нет. И измазался ты. День-другой бы отдохнул — и снова в бой.

— Не могу. Нужно готовиться. У меня еды и так на пределе: последние грибы доедаю, да водой запиваю. Надеюсь, с уловом разберусь — и можно будет пару дней отдохнуть.

— Знаешь, Дима, отдых — это смена обстановки. Я хотел к тебе сам прийти, но так вышло, что ты уже сидишь у меня в гостях. Поэтому хочу тебе предложить одну делюгу.

— Какая это делюга? Что на этот раз?

— Давай, послушай и скажи: пойдёшь или нет.

Лёша достал свою карту местности.

— Смотри: недалеко от твоей тропы расположен временный или постоянный лагерь туристов. Они пришли недавно, но насколько долго пробудут — неизвестно. Там вроде человек три-четыре. У них одна офицерская палатка — это уже неплохо, сам понимаешь. А если ещё и внутри найдётся что-нибудь полезное, то вообще шик будет. Ну так что, ты в деле?

— Ну такое дельце... Получается, грабить своих же, коллег по выживанию. Нет, я, пожалуй, откажусь. Еда у меня пока есть. Буду заготавливать налима, а там ещё что-нибудь нарисуеться.

— Ладно. Если вдруг передумаешь, завтра ближе к пяти я буду проходить мимо твоего дома — зайду, проведу тебя.

— Давай заходи. Тогда не прощаемся!

— Стой. Ты, наверное, голодный. Суп будешь? Только приготовила, — сказала жена Алексея.

Дима отказался, сославшись на усталость. Он встал и направился к выходу.

На улице к этому времени уже было темно. Выйдя из палатки, он понял, что пробыл в гостях до вечера. Нужно было быть начеку: местные воры и бандиты не дремали в столь поздний час. Наоборот, их жизнь как раз начиналась в это время.

— Молодой человек! Молодой человек! — кто-то кричал сзади.

Дима, не оборачиваясь, прибавил шаг.

— Стойте же, молодой человек!

— Вы обратили! Вы обратили, а я ещё гнаться за вами должна!

Он всё-таки обернулся. Позади шла старуха с тростью, неся что-то в руке.

«От старушки много вреда не получишь. Только если мозг весь проклюёт да просить еды будет», — подумал он про себя и принялся ждать, повернувшись лицом к приближающейся старухе.

Сзади его огрели по голове. Ощущение было такое, будто ударили чем-то тяжёлым, металлическим. Дима упал и попытался встать. Едва поднявшись на четвереньки, он получил удар под дых и по лицу тяжёлым кожаным берцем. Через мгновение ударов стало больше, они сыпались со всех сторон. Словно шакалы, нападавшие срывали с него одежду, сдирали рюкзак.

Дима на секунду собрался с мыслями, на миг проигнорировал боль и решил достать нож. Но это только усугубило ситуацию: сразу последовало три удара подряд по лицу, а потом, с другой стороны, ещё сильнее, чем в первый раз, прилетел удар металлическим предметом. Свет погас. Всё. За секунду до контрольного удара он понял, что сейчас умрёт.

Глава 4

Еле открыв один глаз, Дима хотел кричать от боли, но горло пересохло настолько, что он мог только поскрипывать. Болело всё тело — от ног до головы. С головы что-то текло, спину и рёбра ломило так, что невозможно было пошевелиться. От этой сильной, ноющей боли всё тело горело. Впервые Диме было всё равно на холод и сырость.

Вздыхнув настолько глубоко, насколько это вообще было возможно, он прохрипел и понял, что жив. Непонятно было, радоваться этому или нет. С одной стороны, смерть означала конец мучений и страданий этого мира. С другой — жизнь означала, что придётся продолжать свою борьбу за выживание.

Он начал кашлять и сплёвывать кровь. Прележав минут десять-пятнадцать, дождался, пока кашель стихнет. Собравшись с силами, он поднял левую руку и посмотрел на запястье — часов не было.

«Вот шакалы. Последнее и то забрали», — подумал Дмитрий.

О самих ворах даже думать не хотелось. Это мог быть кто угодно, даже свои. Игорь мог рассказать про улов за плату, или ещё кто-то узнал. А может, нападение было просто случайностью. Уже давно все привыкли: ночью не видно лиц, и именно в покрове темноты раскрываются самые тёмные желания человека — в надежде скрыться безнаказанным.

На душе стало ещё мрачнее и печальнее. От мысли, что у него забрали абсолютно всё, даже не хотелось искать в себе силы, чтобы подняться с земли. Это был ещё один урок — возможно, последний. Ночью никуда не ходить, все дела делать днём.

Он лёг на спину и принял позу «ангела», как будто на снегу. Всё тело ныло, остывало, становилось всё холоднее.

— Я так больше не могу! — промычал Дима, окончательно потеряв веру. Без сил и избитый, он мог только лежать и ни на что не надеяться. Либо смириться, либо попытаться придумать, как выбираться.

Начав аккуратно вращать шеей, он почувствовал сильную боль — и снова отключился.

Его подтряхивало, он будто находился в невесомости. Чуть приоткрыв глаз, Дима понял, что его несут. Кто и куда — ему было всё равно. Потеряв всякую веру, он попытался осмотреться, но снова потерял сознание.

Потом он почувствовал, как его куда-то положили. Глаз окончательно заплыл, и увидеть, где он и что с ним делают, Дима не мог. Но он ощущал, как его тело протирают и бинтуют. Окончательно потеряв силы, он снова отключился.

Было тепло. Так и не поняв, где он и что с ним делали, Дима попытался поднять руку. Немного приподняв её, он почувствовал, что рука ослабла и упала.

— О, очнулся! Сукин сын. Ты где так блудил-то? Я уж думал, ты не жилец. Ладно, отдохай сколько нужно. Приходи в себя. Потом всё расскажу. Всему своё время.

Это был голос Лёхи. Конечно, Дима обрадовался такому раскладу.

Спустя несколько дней Дима чувствовал себя намного лучше. Он уже мог открывать оба глаза. Есть и пить было всё ещё тяжеловато, но боль понемногу утихала, хотя тело по-прежнему зудело.

Часть четвертая

Через неделю он встал и понял, что окончательно оклемался. Поблагодарив жену товарища и Машу за заботу, он направился к выходу и хотел поскорее попасть домой.

— Ты куда? — спросила Таня.

— Домой. Спасибо ещё раз за заботу!

— А Лёшу ждать не будешь? Он больше всех за тебя переживал. Ты лучше посиди, подожди. Вот, попей горячего. Лёша придёт и всё тебе скажет. Не торопись.

— Хорошо. Я думал, его ещё долго не будет. Да и зайти он и сам бы ко мне смог. Ну ладно, подожду. После этого налёта и так дел теперь в сто раз больше появилось.

Дима подошёл к столу и сел. Немного подождав, в палатку зашёл Алексей. Он бросил взгляд на Диму, увидел, что тот сидит, а не лежит, и, бросив пакеты, сразу направился к нему.

— Ну наконец! Я уж думал, что ты инвалидом будешь, вдруг повредили что-нибудь. Ну конечно, и проблем с тобой! Танюха! Сделай нам, пожалуйста, чаю!

Таня поставила котелок с водой на печку.

— Спасибо. Если б не ты... Таких ещё и поискать нужно, чтобы не бросили, да ещё и на себе несли. От всей души, — подбирая слова на ходу, Дима поблагодарил товарища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.